Александр В. Храмов
ОЦАД, Москва, Россия

Усмирение дикаря: теистические эволюционисты XIX века о детях и воспитании

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-51-70

Резюме:
В статье представлен анализ суждений теистических эволюционистов XIX века о детстве и воспитании в контексте истории эволюционной мысли. К теистическим эволюционистам относят мыслителей, понимавших эволюцию не только как естественный процесс, но и как проявление творческой активности Бога. Автор демонстрирует, что в своем понимании детства теистические эволюционисты фактически возвращаются к пуританской модели, в соответствии с которой детям от рождения свойственна испорченность, а функция воспитательного процесса состоит в том, чтобы вывести их из этого состояния и приобщить к морали и цивилизации. В отличие от пуритан к подобному выводу теистических эволюционистов, которые по большей части отрицали учение о первородном грехе, подтолкнул не религиозный, а научный фактор. Ключевую роль в понимании детства у теистических эволюционистов, как и у других представителей эволюционистского лагеря, сыграла теория рекапитуляции. Согласно этой теории, в процессе индивидуального развития организм повторяет эволюционную историю своих предков. Отсюда эволюционисты заключали, что ребенок в первые годы жизни находится на стадии дикости и варварства, через которую прошло все человечество. Как показывает автор, первым, кто еще в додарвиновскую эпоху взглянул на проблему воспитания детей в свете теории рекапитуляции, был теистический эволюционист Роберт Чемберс. В работах позднейших теистических эволюционистов не раз встречается утверждение, что дети — маленькие дикари, чьи животные инстинкты подлежат усмирению и контролю. Как показано в статье, подобные взгляды органично вписываются в более широкую традицию понимания детства, сложившуюся в рамках западной цивилизации Нового времени.

Храмов Александр Валерьевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Палеонтологического института РАН, соискатель кафедры богословия и литургики Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Научные интересы: история эволюционной мысли, взаимоотношения науки и религии, теория национализма, постколониальные исследования, исследования детства. E-mail: a-hramov@yandex.ru

Ключевые слова: детство, теория эволюции, Дарвин, рекапитуляция, расизм, психология

Alexander V. Khramov

SS Cyril and Methodius School, Moscow, Russia

Taming the Savage: The 19th-Century Theistic Evolutionists on Children and Education

Abstract:
The aim of the paper is to analyze the positions on children and education expressed in the writings of the 19th-century theistic evolutionists in the general context of the history of evolutionary thought. Theistic evolutionists considered evolution not as an exclusively natural process, but as a creative activity on the part of God. The author shows that theistic evolutionists in fact returned to the Puritan understanding of childhood, which assumes that a child is wicked from the very moment of his birth and that the principal end of education is to free him from this state and show him the way to moral life and civilization. However, most of the theistic evolutionists rejected the traditional doctrine of original sin. Thus, their conclusion about the depravity of children was based not on religious — but on scientific grounds. The understanding of childhood in theistic evolutionism, as well as in evolutionism in general, revolved around the theory of recapitulation. The theory states that an organism — in the course of its individual development — repeats the evolution of its ancestors. Theistic evolutionists concluded from this theory that a child lives in a state of savagery and barbarism during his first years, much like the whole human race used to do many thousand years ago. The author demonstrates that Robert Chambers, an early theistic evolutionist, was the first to look at the problem of child education from the point of view of recapitulation theory. Theistic evolutionists of the later period repeatedly reaffirmed that children were no more than little savages whose animal impulses need to be tamed and kept under control. The author points out that these ideas fit quite well with more general notions of childhood as these emerged in the Western civilization of the modern era. While the theistic evolutionists were not wholly original in their application of recapitulation theory to children, they made an important contribution to the development and popularization of this attitude. In particular, the theistic evolutionist Robert Chambers was the first who came to assess child development from the evolutionary point of view.

Keywords: childhood, theory of evolution, recapitulation, racism, psychology

Alexander V. Khramov — PhD in biology, postdoctoral researcher at the Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences, PhD student at the SS Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies. Research interests: history of evolutionary biology, the relationship between science and religion, nationalism studies, postcolonial studies, childhood studies. E-mail: a-hramov@yandex.ru

27 декабря 1839 года в лондонском доме на Гауэр-стрит в семье Эммы и Чарльза Дарвина родился первенец. Маленький Уильям Эразм — так нарекли новорожденного — стал одним из немногих детей викторианской эпохи, жизнь которых известна нам до мельчайших подробностей. Например, в первую неделю Уильям зевал, икал и потягивался как старичок. В возрасте шести недель и четырех дней улыбался при виде маминого и папиного лица. В возрасте двенадцати недель сжал левой рукой свою бутылочку. Все эти сведения можно почерпнуть в дневнике наблюдений, который Чарльз (не без помощи супруги) вел на протяжении первых двух первых лет жизни сына. Позднее Дарвин использовал этот дневник при подготовке книги «Выражение эмоций у человека и животных» (1872) и статьи «Биографический очерк одного ребенка» (1877).

Пристальный интерес родоначальника современной эволюционной теории к проблематике детства отнюдь не случаен. Уже первые эволюционисты, включая его деда Эразма Дарвина, проводили параллели между индивидуальным развитием человека из одноклеточного зародыша и эволюцией земной жизни, начинающейся с одноклеточных форм. В детях видели переходное звено между животным и человеческим началом, пытаясь распознать в них отголоски первых этапов истории нашего вида. Иначе говоря, фигура ребенка занимала одно из центральных мест в эволюционистском дискурсе. С одной стороны, дети рассматривались как ключ к постижению эволюции, и, с другой стороны, эволюционизм также накладывал отпечаток на восприятие детства [Humes 1983].

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть весь спектр эволюционистской мысли в его отношении к детству, поэтому я ограничусь лишь одной, но достаточно важной его частью — представлениями теистических эволюционистов[1]. К ним можно отнести авторов, которые рассматривали эволюцию как проявление активности Бога-Творца. По их мнению, Бог так или иначе предопределил результаты эволюционного процесса, в первую очередь появление человека. Поскольку во времена Дарвина религиозный фактор играл в интеллектуальной жизни куда большую роль, чем сегодня, теистический эволюционизм был весьма востребован не только среди богословов, но и среди ученых. Сторонниками теистического эволюционизма являлись даже ближайшие соратники Дарвина, на-

1 До сих пор отношение теистических эволюционистов к проблематике детства практически не становилось предметом специального рассмотрения. Единственная известная мне работа на эту тему [Starley, 2007] посвящена повести «Дети вод» Чарльза Кингсли (1819-1875), англиканского священника и соратника Дарвина.

пример, британский натуралист Альфред Уоллес и американский ботаник Аза Грей [Храмов 2013].

Монголоид в колыбели

Детская тема отчетливо прозвучала уже в первом произведении этого направления, опубликованном анонимно трактате «Следы естественной истории творения» (1844), который принадлежал перу Роберта Чемберса (1802–1871), издателя и журналиста шотландского происхождения. Надо сказать, что Чемберс был не только первым теистическим эволюционистом, но и первым, кто заставил английское общество всерьез заговорить об органической эволюции. Учитывая, что «Происхождение видов» было опубликовано в 1859 году, Чемберс опередил Дарвина на 15 лет. Став настоящей сенсацией, «Следы» только за первые 16 лет выдержали 11 изданий, и вплоть до 1889 года по совокупному тиражу этот трактат превосходил «Происхождение видов». Альфред Уоллес признавался, что именно «Следы» обратили его внимание на существование эволюции; Дарвин в предисловии, добавленном к третьему изданию (1861) «Происхождения видов», также отмечал заслуги автора «Следов» в деле распространения эволюционных идей в Англии [Schwartz 1990].

В «Следах» утверждалось, что эволюция как неорганической, так и живой материи разворачивалась согласно предзаданному божественному плану. Вместо того чтобы «вмешиваться каждый раз, когда требовалось вызвать к существованию очередную устрицу или рептилию» [Chambers 1844: 154], писал Чемберс, «Вечное Существо заранее все устроило и доверило все действию учрежденных им законов, Само вечно присутствуя во всех вещах» [Ibid.: 185]. Чемберс постоянно сравнивал эволюцию жизни в целом с развитием эмбриона, тем самым давая понять, что она столь же детерминирована и подчинена закону неуклонного совершенствования. «Страницы геологической летописи никогда не были чем-то большим, чем стадиями в прогрессировании внутриутробного развития, событием столь естественным и столь же мало сопровождаемым удивительными и необычными обстоятельствами, как и безмолвный прогресс, [происходящий в утробе] обычной матери с каждой неделей ее беременности» [Ibid.: 223].

Джеймс Секорд отмечает, что тема беременности и внутриутробного развития, которая пронизывает «Следы», была связана не только с теоретическими соображениями, но и с обстоятельствами личной жизни Чемберса, который жил в доме, полном детьми, и с вечно беременной женой. [Secord 2000: 96]. Чемберс был столь же многодетен, как и Дарвин: не считая умерших во младенчестве, у первого было девять, а у второго — восемь детей. И если Дарвин

в связи с рождением первенца завел особый дневник наблюдений, то Чемберс по этому случаю написал стихотворение «К маленькому мальчику», которое появилось в 1835 году в одном из литературных журналов Эдинбурга.

Согласно Чемберсу, эволюция идет вперед скачками за счет поэтапного удлинения эмбриогенеза (см. рис. 1, слева). Например, у рыб развитие зародыша доходит только до некоей поворотной точки A, общей для всех позвоночных животных, и затем идет по рыбьему типу (от A до F). Но в определенный момент эволюции у некоторых рыб эмбриональное развитие перескочило точку A и продлилось до следующей поворотной точки C, и из их яиц вышли уже более высокоразвитые существа — рептилии. Затем к эмбриональному развитию рептилий добавился еще один этап (от C до D), в результате чего рептилии породили птиц. Иными словами, в представлении автора «Следов» существует универсальная схема эмбрионального развития, состоящая из последовательных стадий, ведущих к типу организации, характерному для млекопитающих. Зародыши менее продвинутых существ не успевают пройти все стадии и сворачивают с этой магистральной дороги раньше. Поэтому рыбы — это в каком-то смысле недоразвитые рептилии, рептилии в свою очередь — это недоразвитые птицы, а птицы — это млекопитающие-недоноски.

Точно в таком же ключе Чемберс рассматривал и развитие человеческого зародыша (см. рис. 1, справа). «Наш мозг проходит через различные стадии, характерные для мозга рыбы, рептилии и млекопитающего и в итоге становится мозгом человека. Более того, после завершения животных трансформаций, он последовательно усваивает характеристики, свойственные для негроидной, малайской, американской и монголоидной народностей, и в итоге становится мозгом белого человека» [Chambers 1844: 306]. Соответственно представители низших рас, считает Чемберс, рождаются как бы раньше срока, не пройдя всех стадий зародышевого развития. «Негр демонстрирует неизменно несовершенный мозг, выступающую нижнюю челюсть и худые согнутые конечности, типичные для ребенка белой расы задолго до его рождения. Американский абориген являет собой это же дитя, но незадолго до рождения. Монгол — это новорожденный, остановившийся в развитии» [Ibid.: 307].

Ссылаясь на французского эмбриолога Этьена Серра (1786–1868), который, впрочем, не был сторонником теории эволюции, Чемберс перечислял монголоидные черты, характерные для новорожденного белой расы: плоское лицо, широкий гладкий лоб и глаза, смещенные к краям головы. По его мнению, полное отсутствие бороды у негров и американских индейцев и ее слаборазвитость у монголов также свидетельствует о том, что эти расы застряли

на низших стадиях развития, соответствующих раннему детству [Ibid.: 307]. Из этой концепции напрашивался расистский вывод в духе тогдашних колониалистских практик, что представители неевропейских народностей — это эмбрионы или в лучшем случае новорожденные дети в обличье взрослого человека, неспособные управлять собой. Но концепция Чемберса имела и оборотную сторону, ведь из нее следовало, что дети самих европейцев — как минимум до появления полноценной растительности на лице — несут сходство с примитивными предками. В лице новорожденного в мир респектабельной викторианской семьи вторгается плосколицый монгол, чуждая раса, которая подлежит укрощению и инкультурации.

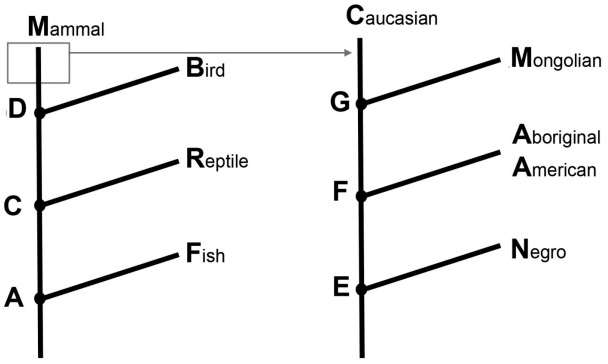

Рис. 1. Слева — общий ход эмбрионального развития позвоночных животных, соответствующий их эволюционной истории. Эта схема приведена непосредственно в «Следах» [Chamber 1844: 212]**. Справа — схема завершающих этапов развития человеческого зародыша, которую можно реконструировать, исходя из словесного описания Чемберса.**
Fig. 1. On the left — general course of the embryonic development of vertebrates, which corresponds to their evolutionary history. This scheme was published in «Vestiges" [Chamber 1844: 212]**. On the right — scheme of the final stages of human embryo development, which can be reconstructed from the verbal description given by Chambers.**

В вышеупомянутом стихотворении «К маленькому мальчику» Чемберс [Chambers 1835: 70] делится опасением, что невинность ребенка по мере его взросления может уступить место испорченности, и его душа окажется осквернена подобно скинии Завета, осквернённой языческими ритуалами. «Оставайся светлым и невинным, мой любимый малыш», — молит он сына. Но в «Следах» возникает уже совсем иное понимание детства. Согласно этому пониманию, дети появляются на свет отнюдь не в состоянии невинности, которому угрожает соприкосновение с внешним миром.

Напротив, дети рождаются дикарями, свирепыми монголами, изначальную необузданность которых может укротить лишь длительное воспитание. «В раннем детстве все порывы беспорядочны, ребенок жесток, лукав, лжив и поддается малейшему искушению, но со временем он учится контролировать эти наклонности, у него в привычку входит быть гуманным, искренним и честным», писал Чемберс [Chambers 1844: 355], уподобляя взросление процессу исторического развития: «точно так же и человеческое общество на самых ранних стадиях бывает кровавым, агрессивным и вероломным, но со временем становится справедливым, правдивым и доброжелательным» [Ibid.].

Дети — наряду с сумасшедшими — в понимании автора «Следов» как бы возвращают нас в прошлое, будучи живой иллюстрацией пройденных этапов эволюции. Ссылаясь на врача из Хэнвелльской психиатрической лечебницы для бедных, Чемберс указывал, что ненормальные признаки умственной деятельности ее пациентов «сильно напоминают определенные здоровые проявления животных, стоящих ниже по уровню организации, и каждый должен был наблюдать как часто действия детей, особенно во время игры, и там, где затронуты их эгоистические чувства, имеют сходство с действиями тех или иных привычных нам животных» [Ibid.: 346-347]. Отталкиваясь, похоже, от опыта собственной семейной жизни, Чемберс напоминал читателям, что дети, как и собачки, прячут от сверстников лакомые кусочки под ковер и в другие укромные места, чтобы потом съесть их в более благоприятный момент. Иными словами, ребенок — это не ангел, а маленькое животное. Именно этому представлению было суждено восторжествовать с наступлением дарвиновской эпохи.

Дикарь в детской

В отличие от Чемберса и других теистических эволюционистов, которые считали, что эволюция носит прогрессивный характер, поскольку в ней реализуется божественный план, Дарвин был весьма скептично настроен по отношению к идее прогресса. Он не считал возможным, как это делал Чемберс со смелостью дилетанта, выстраивать в единую восходящую линию различные классы живых существ (рыба — рептилия — птица — млекопитающее) или человеческие расы (негр — американский индеец — монголоид — белый человек). Тем не менее построенная на этой идее теория рекапитуляции, согласно которой организм в индивидуальном развитии последовательно повторяет этапы, пройденные в ходе эволюции его предками, в теистическом эволюционизме — и в значительной мере в эволюционизме в целом — стала руководящей нитью для осмысле-

ния детства. Однако если у Чемберса упор был сделан на чисто антропометрические характеристики, то последующие теистические эволюционисты говорили главным образом о том, что дети воспроизводят культурные и поведенческие паттерны, характерные для первых этапов эволюции человечества.

«Путь развития каждого вида, которому он следовал на протяжении эпох, более или менее отчетливо отражается в том пути, которому следует эмбрион или молодь данного вида», писал американский пастор-конгрегационалист Майрон Адамс (1841–1895), рассуждая о сходстве головастика лягушки с рыбой. Это умозаключение он немедленно переносил на детей: «ребенок повторяет в миниатюре историю своей расы. Раса в начале невежественна, аморальна и, следовательно, не несет моральной ответственности» [Adams 1893: 67]. Ему вторил другой американский богослов, унитарианин Майнот Севидж (1841–1918): «каждый ребенок до своего рождения в процессе развития проходит по каждой ступени животной жизни, от самой низшей до самой высшей. Тем самым человек повторяет и принимает в себя всю жизнь ниже себя. Каждый родившийся ребенок снова проходит весь путь развития (progress) жизни на Земле» [Savage 1897: 85-86].

Отсылки к заморским дикарям и примитивным культурам прошлого превращаются в инструмент интерпретации поведения современных европейских детей. Как писал Севидж (по иронии судьбы его фамилия переводится как «дикарь»), «после своего рождения каждый ребенок начинает свою жизнь как животное, и через варварство вырастает к цивилизованному состоянию культуры и образования. Игрушки ребенка — суть копии варварских орудий, таких как дубинка, лук, стрела и копье; игры детей в детской, на тротуаре и на школьной площадке копируют древние религиозные ритуалы, их бессмысленные рифмы и формулировки — это остатки величественных церемоний Старого Света» [Ibid.: 87].

Этого же подхода к пониманию детства с некоторыми оговорками придерживался английский ботаник и англиканский священник Джордж Генсло (1835–1925). Его отец, тоже ботаник и священник, Джон Генсло (1796–1861), был учителем Дарвина и симпатизировал эволюционному учению последнего, однако сам Джордж выступал с резкой критикой теории естественного отбора. Впервые с идеей эволюции, как и многие другие теистические эволюционисты второй половины XIX века, Генсло познакомился на страницах «Следов», и в его понимании развитие жизни на Земле, направляемое Богом, было целенаправленным и планомерным. Подобно Альфреду Уоллесу, Генсло считал, что человек не мог произойти от обезьяноподобных предков без вмешательства Бога, и потому отвергал высказывавшееся Дарвином предположение, что дети в раннем возрасте напоминают приматов.

Дарвин указывал, что маленькие дети, если их рассердить, выпячивают губы и издают звуки, как это делают в аналогичном состоянии духа человекообразные обезьяны: «ничего необычного нет и в том, что животные в раннем возрасте более или менее полно сохраняют, а впоследствии утрачивают характерные черты, которыми первоначально обладали их взрослые предки» [Дарвин 1953: 834]. Генсло, напротив, подчеркивал, что детей нельзя воспринимать как маленьких обезьянок, это полноценные люди с самого рождения. «Более внимательный анализ не дает нам ничего, что бы иллюстрировало какую-либо переходную ступень между лопотанием обезьяны и разумными высказываниями, сколь бы слабо они ни были выражены, двухлетнего или даже восемнадцатимесячного ребенка» [Henslow 1873: 116]. Особенности развития детского интеллекта, подчеркивает Генсло, говорят о существовании непреодолимой грани между человеком, созданным по образу и подобию Божьему, и всем остальным животным миром.

Но в то же время, подобно Адамсу и Севиджу, Генсло не видел ничего зазорного в том, чтобы отождествлять дикарей и детей, и такое сближение отнюдь не добавляло положительных моментов к характеристикам обеих групп. «Необразованный дикарь в своих лучших представителях вполне сравним с современным европейским ребенком. Тем самым [развитие] интеллектуальных способностей остановилось на стадии, характерной для ребенка, в тех дикарях, что не могут выйти за пределы элементарного счета. Современный школьник, как правило, подобно дикарю, восхищается физической силой и животной храбростью, но мало ценит моральную силу, обладающую большей значимостью», — отмечал Генсли. «Правдивость считается священной лишь среди немногих дикарей, и то же самое можно сказать про мальчиков» [Ibid.: 117].

Сравнение с дикарями неизменно выявляло лишь негативные черты детского характера и никогда не давало повода сказать о нем что-то хорошее. В итоге в сочинениях теистических эволюционистов вырисовался весьма мрачный образ ребенка как лживого, жестокого, необузданного и примитивного существа. «В самых низших расах, если не считать страха, наблюдается общая нехватка эмоциональных качеств, состояние, которое напоминает одну из стадий детства в наиболее совершенном человечестве» [Cope 1887: 387-388], писал видный американский палеонтолог и теистический эволюционист Эдвард Коуп (1840-1897), взгляды которого на механизмы эволюции, кстати, поначалу мало чем отличались от взглядов Чемберса.

Отношение теистических эволюционистов к детству нашло, пожалуй, наиболее яркое выражение в одной из проповедей американского конгрегационалиста Генри Бичера (1813–1887). Соратник

президента Линкольна, Бичер был одним из известнейших ораторов и общественных деятелей своего времени. Среди прочего он посвятил немало усилий пропаганде эволюционной идеи в религиозных кругах. В проповеди, посвященной учению о первородном грехе, Бичер увещевал прихожан: «вы должны поначалу обходиться с вашим ребенком как с животным. Конечно, в стихах дети всегда зовутся “ангелами”, но те, кто занимается воспитанием детей, так их не назовут. Вы очень хорошо знаете, что с ребенком нужно обращаться как с маленьким необученным зловредным животным. Чем сильнее ребенок одарен по части интеллекта и силы воли, тем более несносным в начале является маленькое животное. Первоначально вы должны обращаться с ребенком, используя в своем роде медицинскую контр-стимуляцию, вы исправляете его не посредством рассудка, а посредством ладони вашей руки, с помощью контр-стимуляции, которая отучает от эгоизма или неповиновения» [Beecher 1885: 85].

Этот подход к воспитанию детей заставляет вспомнить о воспитательных практиках пуритан раннего Нового времени, девизом которых была знаменитая библейская фраза: «кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» [Притчи 13:24]. В свете учения о первородном грехе, основополагающего для кальвинистского богословия, проблема изначальной детской испорченности выходила на первый план. По словам Лоуренса Стоуна, решение этой проблемы пуритане искали в «самом безжалостном подавлении воли [ребенка] и его полном подчинении родителям, учителям и другим вышестоящим авторитетам» [Stone 1977: 406]. Как писали пуритане Роберт Кливер и Джон Дод в своем руководстве «Богоугодный способ управления домохозяйством» (1621), «маленький ребенок, лежащий в колыбели, и своенравен, и полон страстей, и хотя у него крошечное тельце, он имеет греховное сердце и всецело склонен ко злу» (цит. по [Illick 1974: 316]). Вопреки моде на руссоистские идеи пуританская модель в Англии оставалась на плаву еще в конце XVIII века. Так, английская религиозная писательница Ханна Мор (1745–1833) в трактате «Критические замечания о современном женском образовании» (1799) настаивала: «разве это не фундаментальная ошибка видеть в детях невинных существ, чьи маленькие недостатки, возможно, нуждаются в некоторой корректировке, а не существ, которые приходят в мир с испорченной природой и дурными наклонностями, в исправлении которых состоит великая задача воспитания?» [More 1841: 323].

Фактически теистические эволюционисты воспроизводили точно такое же понимание детства в духе сурового кальвинизма двухвековой давности. Но при этом парадоксальным образом многие

из них выступали с резкой критикой учения о первородном грехе. Эволюция, направляемая Богом, понималась теистическими эволюционистами как движение поступательного прогресса от низшего к высшему. Эта идея была несовместима с представлением о том, что человек в далеком прошлом лишился изначального совершенства. Как писал Севидж [Savage 1897: 205], «ложность учения о грехопадении человека полностью доказана, сегодня установлена истинность прямо противоположного утверждения. Человечество никогда не претерпевало падения». Ему вторил Бичер [Beecher 1885: 139]: «эволюция изгонит из мира манихейскую доктрину, идею, что человек проклят из-за грехопадения мифического прародителя, что это грехопадение испортило самое его тело и кровь, и кости, и что человек унаследовал испорченность, и что его плоть испорчена сама по себе».

Следовательно, представление теистических эволюционистов о детях как о необузданных дикарях и зловредных животных было лишено религиозной подоплеки, вопреки тому, что может показаться на первый взгляд. Оно проистекало из другого, чисто светского источника, и коренилось в научных идеях XIX века, прежде всего в вульгаризованной версии теории рекапитуляции[1]. Теория эволюции, в других аспектах вошедшая в противоречие с традиционным религиозным миропониманием, в своих выводах относительно природы детства удивительным образом с ним совпала. Это станет особенно очевидно, если мы обратимся уже не к теистическим, а к светским эволюционистам XIX века и их высказываниям о детстве и детях.

Преступные пигмеи

Вряд ли будет преувеличением сказать, что наиболее известным и читаемым эволюционистом во второй половине XIX века — как минимум в англоязычных странах — был не Дарвин, а британский мыслитель Герберт Спенсер (1820–1903). Если Дарвин ограничивался рассмотрением эволюции живых существ, то Спенсер, подобно Чемберсу, положил в основу своей философии идею универсальной эволюции, начиная космологией и заканчивая социологией. Подобно Чемберсу, и во многом вопреки Дарвину, Спенсер говорил о неуклонной прогрессивной тенденции, которая присуща эволюции материи. Во многом именно благодаря этому философия Спенсера пользовалась большой популярностью у теистических

1 О влиянии теории рекапитуляции на викторианскую педагогику в целом см. [Starley 2007].

эволюционистов, включая вышеупомянутых Бичера и Севиджа [Moore 1979: 220, 229]. Тем не менее Спенсер, в целом сочувственно относясь к религии (точнее, ко всем мировым религиям), проповедовал агностицизм, ставя на место христианского Бога анонимное Непознаваемое (The Unknowable). В этом смысле он был даже дальше от теистического эволюционизма, чем сам Дарвин, который в своих сочинениях старался обходить молчанием религиозную проблематику.

Но если взглянуть на то, как Спенсер оценивал детство, то мы едва ли увидим разницу между ним и теистическими эволюционистами. В статье «Моральное воспитание» (1858), позднее вошедшей в состав сборника «Эссе о воспитании и сходных вопросах» (1861), Спенсер предостерегал: «не ожидайте от ребенка большой нравственной добродетели. В ранние годы каждый цивилизованный человек проходит через стадию развития, свойственную тому варварскому роду, от которого он произошел. Как и черты ребенка, такие как плоский нос, ориентированные вперед (forward-opening) ноздри, большие губы, широко расставленные глаза, отсутствие лобной пазухи и т. д., некоторое время напоминают черты дикаря, то же можно сказать и о его инстинктах» [Spencer 1896: 205-206]. Утверждение Спенсера о краниометрическом сходстве детей и дикарей очень похоже на рассуждения Чемберса на этот счет. Вполне возможно, что Спенсер прямо позаимствовал эту мысль у Чемберса; известно, что он был хорошо знаком со «Следами» и в 1845 году даже рекомендовал эту книгу к прочтению в одном из писем к знакомому [Secord 2000: 488].

Как и теистические эволюционисты, Спенсер развивает мысль о сходстве дикарей и детей применительно и к особенностям поведения последних: «отсюда [по причине рекапитуляции — А.Х.] и склонность к жестокости, воровству, лжи, столь распространенные среди детей — склонности, которые даже без помощи наказаний [по мере взросления] более или менее видоизменяются, подобно чертам лица. Популярный взгляд на детей как на “невинных” созданий, который может быть вполне справедлив в плане знания о зле, абсолютно ложен в том, что касается злых побуждений, как это станет ясно каждому, кто проведет хотя бы полчаса в детской. Мальчики, если их предоставить самим себе, как это происходит в школе-пансионе, обращаются друг с другом с гораздо большей жестокостью, чем взрослые мужчины, и если их предоставить себе в еще более раннем возрасте, их жестокость будет еще более очевидна» [Spencer 1896: 206].

Английский психиатр Генри Модсли (1835–1918), ссылки на которого не раз встречаются в сочинениях Дарвина, был одним из первых, кто привлек теорию эволюции для объяснения пси-

хических болезней. Его взгляды на природу детства был столь же жесткими, как у теистических эволюционистов. Как писал Модсли [Maudsley 1880: 281], «разговоры о чистоте и невинности детского сознания — это элемент поэтического идеализма и намеренного лицемерия, посредством которого люди игнорируют реальность и наслаждаются праздными мечтами; в той мере, в какой чистота существует, она свидетельствует о недостатке ума, порывы, которые в реальности управляют ребенком — это эгоистичные порывы страсти. На тех же основаниях можно было бы испытывать энтузиазм по поводу невинности сознания собаки». Модсли приводит слова Платона: «мальчик — это самое порочное из диких животных», отмечая, что на самых первых ступенях интеллектуального развития действуют самые низкие страсти. В понимании Модсли случаи детского сумасшествия — это не исключение из правил, а, наоборот, своеобразное окно, через которое мы можем заглянуть в клокочущий водоворот страстей, скрывающийся внутри любого ребенка. Модсли рассказывает об умственно неполноценных детях, которые мучают котов, убивают канареек, похотливо трутся гениталиями о мебель, в своем лице возвращая человечество на уже пройденные этапы эволюции, когда царили жестокость и слепой половой инстинкт. Дети-сумасшедшие выявляют тот потенциал разрушения, который несет в себе каждый ребенок, да и каждый человек в целом [Ibid.: 295-296].

Взгляды Модсли на детство перекликаются и с концепциями итальянского психиатра и криминалиста Чезаре Ломброзо (1835–1909). Он рассматривал преступников как дегенеративный тип, который откатился назад к пройденным этапам эволюции. Дети, считал Ломброзо [2005: 184], повторяют в своем развитии весь путь эволюции человечества и потому в первые годы жизни они на какое-то время встают на ту же ступеньку животности и дикости, на которой взрослые преступники пребывают постоянно: «дети — это временные преступники, (которые) легко забывают свои дурные поступки». Ломброзо писал об экстремальной завистливости детей, которые иногда всовывают нож в руки родителей, требуя убийства своих соперников. Дети отличаются пониженной чувствительностью, подобно преступникам, любят мучить животных слабее себя. Склонность к гневу, доходящая до битья людей и всего остального, писал Ломброзо, доводит ребенка «до состояния дикаря, приходящего в ярость во время охоты за бизонами» [Там же: 156]. Впрочем, при условии правильного воспитания и отсутствия дурной наследственности у ребенка «преступные наклонности атрофируются, подобно тому, как в хорошо, правильно развивающемся теле атрофируются органы зародышевой жизни» [Там же: 157]. Но, отмечает Ломброзо, неправильное воспитание может задержать

нравственное перерождение, и тогда дети перенесут преступные инстинкты во взрослую жизнь, подобно тому, как головастики лягушек и тритонов в очень холодной воде не проходят последнюю стадию превращения. Точно такие же отсылки к дикарям и к развитию амфибий в связи с детской проблематикой, как мы видели, встречаются и у теистических эволюционистов.

Некоторые теистические эволюционисты высказывались в русле Ломброзо, как, например, английский зоолог Уильям Карпентер (1813–1885), большой поклонник «Следов». «Детское состояние, — писал он, — одинаково для всех человеческих рас, и детская природа повсюду проявляется в сущности одним и тем же образом, но если приостановка в развитии приводит некоторые расы к тому, что эта [детская] природа сохраняется на протяжении всей жизни, то другие расы представляют восходящий ряд стадий [развития], завершающийся в том, что считается высшими результатами умственной и нравственной культуры. Но даже среди в целом наиболее развитых рас мы находим не просто отдельных лиц, но устрашающе большое количество тех, в ком дурная наследственность, и порочное окружение поощряет низшую животную природу в ущерб подлинно человеческому началу, в результате чего возникают создания, которые в моральном отношении стоят гораздо ближе к зверям, чем к более возвышенным типам человечества» [Carpenter 1889: 406]. Из этих слов видно, что, как и Ломброзо, Карпентер с легкостью перекидывает мостик от детей к заокеанским «низшим расам», а от них — к европейским преступникам. И те, и другие остановились в развитии и не смогли преодолеть в себе животную природу детства.

Таким образом, можно констатировать, что теистические эволюционисты были не слишком оригинальны в своем понимании детства как периода дикости и варварства, воспроизводящего в миниатюре пройденный этап эволюции человечества. Скорее, их высказывания на эту тему следует рассматривать в рамках более широкого движения в сторону «демонизации» детей, активно происходившего под эгидой теории эволюции, но начавшегося еще задолго до Дарвина, о чем будет сказано чуть ниже. Дополненная представлениями о рекапитуляции и дегенерации, теория эволюции способствовала тому, что вокруг детства сгустилась атмосфера подозрительности. Считалось, что каждый ребенок вносит в цивилизованный мир элемент животной дикости, и, если его не обуздать, это угрожает крахом всей цивилизации.

Эта установка во второй половине XIX — начале XX века прямо или косвенно оказала колоссальное влияние на все аспекты воспитания детей, начиная от детской литературы [Kearney, 1986] (вспомнить хотя бы, что Джеймс Барри, создатель Питера Пэна, в каче-

стве страны детства изобразил остров, населенный кровожадными пиратами, индейцами и мальчиками, одетыми в медвежьи шкуры) и заканчивая вопросами гигиены. Например, эволюционистская аналогия между детьми и дикарями стала одним из дополнительных стимулов для продолжения борьбы с детским онанизмом, после того как его экстремальные медицинские последствия, о которых писали Сэмюэль Тиссо и другие авторы XVIII в., были поставлены под сомнение. В этой связи можно вспомнить американского психолога Грэнвилла Холла (1844–1924), которого иногда называют отцом подростковой психологии. В предисловии к своему двухтомнику «Подростковый возраст и его психология» (1904) он прямо обозначает, что в основе его подхода к проблемам детей и подростков лежит теория рекапитуляции [Hall 1904: viii]. Холл полагал, что дети в плане своего ментального и физического развития соответствуют пигмеям, от которых, по его предположению, ведет начало современное человечество. «То, что взрослый современный человек был когда-то пигмеем и что мальчик по своему росту и весу являет собой нашего отдаленного предка, недоказуемо не в большей мере, в какой нельзя опровергнуть, что он произошел от вымершего антропоида размером с одну из наших некрупных человекообразных обезьян. В самом деле, в процессах эволюции длинные филогенетические стадии могут быть представлены небольшими онтогенетическими, и наше детство может быть аналогично уменьшившемуся рудиментарному органу» [Ibid.: 48-49].

Сходство между пигмеями-дикарями и детьми, согласно Холлу, простирается вплоть до полной взаимозаменяемости: «мальчик 10–11 лет весьма неплохо приспособлен к условиям дикарской жизни теплой страны, где бы он легко мог выжить независимо от своих родителей, добывая все необходимое для жизни и будучи лишенным только репродуктивной функции» [Ibid.: 44]. Получается, единственное, что отличает ребенка от полноценного дикаря, — это отсутствие возможности жить половой жизнью. Именно благодаря этому ребенок может сосредоточиться на интеллектуальном и моральном развитии и преодолеть фазу дикости. Но если половые органы ребенка заработают преждевременно, то такое развитие сделается невозможным, и он навеки останется на уровне дикаря. Поэтому, считал Холл, с онанизмом все равно следует бороться, пусть даже он непосредственно не угрожает здоровью ребенка. Дело обстоит куда хуже — онанизм угрожает всей цивилизации, препятствуя обузданию и воспитанию маленьких дикарей. «Уступки простому и грубому чувственному наслаждению укорачивают период роста, и единственный способ продлить его и достичь более высокого и полной зрелости [человеческого] рода — это старая и понятная добродетель самоограничения» [Ibid.: 438].

Итак, аналогия между детьми и дикарями находила применение в самых разных контекстах и пользовалась популярностью далеко за пределами теистического эволюционизма. Тем не менее вклад теистических эволюционистов в продвижение этой идеи был весьма значителен. Как мы убедились, впервые ее в эволюционистском контексте теории рекапитуляции еще в додарвиновскую эпоху высказал теистический эволюционист Роберт Чемберс. Вполне возможно, что рассуждения Чемберса подтолкнули к аналогичным выводам Герберта Спенсера, чьи взгляды на эволюцию в целом и на детство в частности подхватили позднейшие теистические эволюционисты, такие как Майнот Севидж и Генри Бичер. И хотя по другим пунктам, таким как степень божественного вмешательства в эволюцию и роль естественного отбора, среди эволюционистов XIX века кипели яростные споры, в вопросе о понимании детства наблюдалось практически полное единодушие. И теистические эволюционисты, и их светские коллеги пытались развенчать «миф» о детской невинности, фактически возвращаясь — под эгидой науки — к более ранним представлениям на этот счет, которые можно найти еще у пуритан.

Дети и дикари в исторической перспективе

Эволюционная теория предложила новый и убедительный для своего времени аргумент в пользу сближения детей и дикарей, однако в самом таком сближении для модерного сознания не было ничего нового. Начиная с XVI–XVII вв., когда детство впервые было осмыслено как исключительно важный период в жизни человека, требующий особого отношения, детей настойчиво сравнивали с обитателями Нового Света.

По существу открытие детства и открытие Америки произошло одновременно. Для Джона Локка и Томаса Гоббса ребенок был в той же мере носителем естественного состояния, в какой им был и североамериканский индеец. В глазах философов-просветителей XVIII в., включая Жан-Жака Руссо, парадигмальным образцом для понимания детства служили одичавшие дети, которых время от времени сенсационно находили в лесах, вроде Питера из Ганновера или девочки-дикарки из Шампани. Грязные, слабоумные, немые, ползающие на четвереньках, они позиционировались не как экстремальное отклонение от нормы, а, наоборот, как наглядная иллюстрация *естественной* дикости и животности, которая свойственна каждому человеку от рождения и которая должна быть изжита в ходе воспитательного процесса [Stewart-Robertson 1981; Храмов 2014]. Эволюционисты XIX века по-своему продолжили эту линию рассуждений. Если заглянуть дальше, уже в XX век, то и здесь дикарь остался той

меркой, по которой выкраивался образ детства. Например, в книге «Тотем и табу» (1913) Зигмунд Фрейд без каких-либо колебаний переходил от обсуждения этнографических подробностей из жизни примитивных племен к анализу детского поведения. В фобиях детей, связанных с собаками, лошадьми и другими животными, он видел проявление черт первобытного тотемизма.

Нельзя забывать и о том, что в Новое время дети часто рассматривались также в рамках более широкой общности, включавшей не только заокеанских дикарей, но и пауперов, безумцев, делинквентов, короче, все то разношерстное население исправительных домов, о котором столь красноречиво писал Мишель Фуко. Выше мы убедились, что эволюционисты XIX века подчас сравнивали детей не только с дикарями, но и с умалишенными и преступниками, и в самом деле сопоставления такого рода — ввиду их многочисленности и устойчивости — могли бы послужить темой для отдельной статьи. И опять-таки традиция подобных сопоставлений возникает задолго до дарвиновской эпохи. Еще Гоббс видел в преступнике великовозрастного ребенка, не сумевшего вовремя преодолеть беспорядочные импульсы, свойственные грудным младенцам. У Локка дети, идиоты, дикари и необразованные (illiterate) нередко упоминаются через запятую [Храмов 2014]. Все эти категории объединяет пребывание на периферии промышленной цивилизации или за ее пределами. Безумцы по понятным причинам неспособны к производительной деятельности. Необразованным рабочим постоянно угрожает превращение в нищих и безработных. В свою очередь нищие пополняют ряды бродяг и преступников с большой дороги. Криминальные элементы со времен Гоббса привычно уподоблялись дикарям, находящимся в естественном состоянии войны всех против всех. Все эти взрослые выпали из системы производства, тогда как дети еще не успели в нее встроиться и, оставшись без образования, тоже рискуют навсегда застрять в детстве и стать лишними людьми.

На заре капитализма качество трудового ресурса становится ключевым фактором успеха европейских обществ. Возрастающее разделение труда, потребность в квалифицированных специалистах и вытекающая из нее необходимость в образовании, под которое следует резервировать довольно продолжительный отрезок жизни человека, накладывающийся на период полового созревания, — вот довольно очевидная и не раз обсуждавшаяся причина «изобретения» детства. Наделение детей качествами, свойственными дикарям, преступникам и безумцам, лишний раз подчеркивало всю важность образовательного и воспитательного процесса. Что может вырасти из маленького варвара, предоставленного самому себе? Ребенок, раньше срока переставший быть ребенком, в обход

школы (или домашнего обучения) перешагнувший порог взрослого мира, — это главный кошмар Запада со времен пуритан XVII в. и вплоть до наших дней. Возможное появление таких детей несет с собой угрозу для всей цивилизации. В воображении Запада это вечно возобновляемый источник нового варварства, которое грозит опрокинуть все достижения прогресса. В качестве визуализации этого кошмара можно рассматривать знаменитую повесть Уильяма Голдинга «Повелитель мух» (1954), не раз экранизировавшуюся, или рассказ Стивена Кинга «Дети кукурузы» (1977), по которому затем сняли серию фильмов ужасов. И там, и там речь идет о детях, которые выскользнули из рук учителей и семьи и, раньше срока зажив самостоятельно, как взрослые (в рассказе Кинга девочки-подростки рожают от своих сверстников), сразу же вернулись на уровень дикарей, практикующих кровавые языческие культы.

Угроза впадения в дикость из-за сбоев в образовательном процессе, вызванных преждевременным взрослением, рождает неизбывную тревогу по поводу границы, отделяющей детство от взрослой жизни. Так, ранняя сексуализация детей, ранее не вызывавшая большого беспокойства (вспомним сцены из детства Людовика XIII, на которых останавливается Филипп Арьес), постепенно начинает восприниматься как недопустимое нарушение этой границы. Отсюда вскользь упомянутый выше двухвековой поход против онанизма, в общем и целом завершившийся только к 1920 году, отсюда и волна озабоченности по поводу различных разновидностей *child sexual abuse*, накрывшая западные страны в конце 1970-х и не спадающая до сих пор.

За всеми этими формами моральной паники стоит уверенность: если ребенок слишком рано приобщится к наслаждениям взрослой жизни, он не успеет победить внутреннего дикаря и не найдет себе места в цивилизации. Последствия детского онанизма в понимании авторов XVIII–XIX веков и последствия детских сексуальных контактов со взрослыми, какими их изображают в современной литературе, удивительно схожи: преждевременное половое созревание, проблемы с учебой, психические расстройства и девиантное поведение во взрослом возрасте. Говоря словами Фрейда [1991: 98], «ранняя сексуальная деятельность понижает способность ребенка поддаваться воспитанию».

Дети, преждевременно переставшие быть детьми в сексуальном плане, на всю жизнь остаются детьми во всех остальных отношениях и потому пополняют ряды безработных, преступников, невротиков и психопатов. Здесь речь идет не о страхе *за* детей, а скорее, наоборот, о страхе *перед* детьми, о страхе потерять контроль над стихийной первобытностью детства. Не отдавая себе отчет в этом страхе, мы рискуем не понять многие аспекты той эволюции детства и представлений о нем, которая происходила на Западе на протя-

жении последних трех-четырех столетий. В некотором смысле фигура дикаря продолжает отбрасывать свою пугающую тень на детей и все, что связано с ними.

Библиография / References

Дарвин Ч. (1953) Выражение эмоций у животных и человека. Сочинения. Т. 5, М.: Изд-во АН СССР.

— Darwin C. (1953) *The Expression of the Emotions in Man and Animals. Writings. V. 5*, M. — in Russ.

Ломброзо Ч. (2005) Преступный человек, СПб.: Мидгард.

— Lombroso C. (2005) *Criminal Man*, Saint Petersburg. — in Russ.

Храмов А. (2014) Как пчела превратилась в волка: дети-дикари и антропология модерна. *Неприкосновенный запас*, (6): 243-264.

— Khramov A. (2014) How a bee turned into a wolf: feral children and the anthropological thought of modernity. *Neprikosnovennyj zapas [Emergency ration]*, (6): 243-264. — in Russ.

Храмов А. (2015) Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, (4): 84-109.

— Khramov A. (2015) Theistic Evolution and Darwinism: from War to Peace. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]*, (33): 84-109. — in Russ.

Фрейд З. (1991) Очерки по психологии сексуальности. *«Я» и «Оно». Труды разных лет*. Кн. 2, Тбилиси: Мерани.

— Freud S. (1991) Three Essays on the Theory of Sexuality. *The Ego and the Id. Works of different years. Vol. 2*, Tbilisi: Merani. — in Russ.

Adams M. (1893) *The continuous creation: an application of the evolutionary philosophy to the Christian religion*, New York, Boston: Houghton, Mifflin and Co.

Beecher H.W. (1885) *Evolution and religion*. Part I, London: James Clarke and Co.

Carpenter W.B. (1889) *Nature and Man: Essays Scientific and Philosophical*, New York: D. Appleton and Co.

Chambers R. (1844) *Vestiges of the natural history of creation*, London: John Churchill.

Chambers R. (1835) To a little boy. *Blackwood's Edinburgh Magazine*, (38): 70.

Cope E.D. (1887) *The origin of the fittest*, New York: P. Appleton and Co.

Hall G.S. (1904) *Adolescence its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology sex, crime, religion and education*. Vol. I, New York: D. Appleton and Co.

Henslow G. (1873) *The theory of evolution of living things and the application of the principles of evolution to religion*, London: Macmillan and Co.

Humes W. (1983) Evolution and Educational Theory in the Nineteenth Century. D. Oldroyd, I. Langham (eds) *The Wider Domain of Evolutionary Thought*, Dordrecht: D. Reidel Publishing Company: 27-56.

Illick J.E. (1974) Child-Rearingi n Seventeenth-Century England and America. L. DeMause (ed.) *The History of Childhood*, New York: Psychohistory Press: 303-350.

Kearney A. (1986) Savage and Barbaric Themes in Victorian Children's Writing. *Children's Literature in Education*, (17): 233-240.

Maudsley H. (1880) *The Pathology of Mind*, New York: D. Appleton and Co.

Moore J. R. (1979) *The Post-Darwinian Controversies: A Study of the Protestant Struggle to Come to Terms with Darwin in Great Britain and America, 1870–1900*, New York and London: Cambridge University Press.

More H. (1841) *Strictures on the modern system of female education. The Works of Hannah More*, Vol. I, New York: Harper & Brothers.

Savage M.J. (1897) *The religion of evolution*, Boston: G.H. Ellis.

Schwartz J.S. (1990) Darwin, Wallace, and Huxley, and "Vestiges of the Natural History of Creation". *Journal of the History of Biology*, (23): 127-153.

Secord J.A. (2000) *Victorian Sensation: The Extraordinary Publication, Reception, and Secret Authorship of Vestiges of the Natural History of Creation*, Chicago: University of Chicago Press.

Spencer H. (1896) *Education: intellectual, moral, and physical*, New York: D. Appleton and Co.

Starley J. (2007) Of Beasts and Boys: Kingsley, Spencer, and the Theory of Recapitulation. *Victorian Studies*, (49): 583-609.

Stewart-Robertson J.C. (1981) The Well-Principled Savage, Or the Child of the Scottish Enlightenment. *Journal of the History of Ideas*, (42): 503-525.

Stone L. (1977) *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800*, New York: Harper and Row.

Рекомендация для цитирования:

Храмов А.В. (2019) Усмирение дикаря: теистические эволюционисты XIX века о детях и воспитании. *Социология власти*, 31 (1): 51-70.

For citations:

Khramov A.V. (2019) Taming the Savage: The 19th-Century Theistic Evolutionists on Children and Education. *Sociology of Power*, 31 (1): 51-70.

Поступила в редакцию: 22.10.2018; принята в печать: 14.12.2018

Received: 22.10.2019; Accepted for publication: 14.12.2018